

Елена
Арсеньева

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

И звезды
любят уметь

Елена Арсеньева
Лукавая жизнь
(Надежда Плевицкая)
Серия «И звезды любить умеют»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138439

И звезды любить умеют: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-07298-5

Аннотация

Они были великими актрисами, примами, звездами. Однако эти женщины играли свои роли не только на сцене, но и в жизни. В этом их сила – и их слабость, счастье и великая беда. И все же... Прожить несколько жизней – чудесный дар, которым наделены лишь единицы: Вера Холодная, Айседора Дункан, Анна Павлова... Все они любили и были любимы... Об актрисах, их счастливой и несчастной, великой и мимолетной любви читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Елена Арсеньева

Лукавая жизнь

(Надежда Плевицкая)

Зал замер. Зрители стояли – все как один стояли! – и, кажется, даже не дыша, внимали летевшему со сцены голосу певицы:

Занесло тебя снегом, Россия,
Запуржило седую пургой,
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.

А впрочем, нет, про этот голос нельзя было сказать, что он – летит. Он наползал душным маревом дальних пожаров – то горели отчие дома, подоженные обезумевшей толпой, он заволакивал пространство сизой газовой завесой – так заволакивал смертоносный иприт поле боя, которое вмиг становилось полем смерти, он тяжело и медленно кружил, словно и впрямь снег над забытым погостом, на который никто и никогда не придет навестить родные могилки, потому что все живые бежали из родимой стороны, не оглядываясь, ибо оглянуться – означало лечь *белой костью* в придорожной канаве в то время, как мимо пролетит, клацая зубами и разевая окровавленную пасть, безумный красный зверь по име-

ни Революция...

Занесло тебя снегом, Россия! Воистину так. Да осталось ли от тебя хоть что-нибудь, кроме сугробов белых – безбрежных, словно мировой океан скорби? А мы, чайки с перебитыми крыльями, занесены ветром на чужбину, притулились на голых, неприятных скалах, ютимся там, нахохлившись, да жалобно кличем над седой, туманной, непроницаемой для взора равниной:

Занесло тебя снегом, Россия...

Зал рыдал и рукоплескал. Овации порою прерывались, потому что людям нужно же было утратить глаза, и высокая женщина, стоявшая на сцене, тоже плакала, не стыдясь того, что слезы прочерчивают две темные, мрачные дорожки на тщательно загримированном лице и падают на затянутую черным шелком высокую грудь. Но такая – заплаканная, задыхающаяся, растерянная – она казалась слушателям еще роднее, еще ближе, еще дороже... Хотя, казалось бы, нельзя быть ближе с публикой, чем была с нею певица Надежда Плевицкая во всю свою артистическую карьеру, а тем паче – на концерте в зале имени Бетховена в Берлине. В зале, переполненном русскими эмигрантами.

В то время у российской эмиграции было две столицы – Париж и Берлин. Париж стал средоточием политической, культурной и светской жизни, проходящей под знаком мечты о восстановлении монархии, сверкающим утесом, к которому прибились наделенные интеллектом, талантами и кое-ка-

кими средствами бесприютные обломки «бывшей России». В Берлине все было как бы рангом пониже, потише, менее шикарно, более по-домашнему, даже уютно. А поселились там те, кто в феврале семнадцатого нацепил красный бант на сюртук чиновника, шинель офицера или студента, шубку томной барыньки или жакетик курсистки и хаживал к Пивато либо езживал на «Виллу Родэ»¹ – выпить шампанского за будущую народную революцию. Теперь они, посеявшие ветер, пожинали бурю и готовы были заложить душу всем насельникам ада, только бы вернуть прошедшее обратно. Увы, такого всемогущего Мефистофеля ни в каких кругах инферно пока не находилось, а потому и тем и другим – и монархистам, и демократам – не оставалось ничего другого, как рыдать на концертах, где звучала русская музыка, пелись русские песни, и упиваться этим трагическим мазохизмом: тоской по Родине.

После концерта Надежда Васильевна вышла не с парадного и даже не с артистического подъезда, а с пожарного хода, и то лишь после того, как муж ее сказал, что все зрители разошлись. Им сообщили, что великая певица давно уехала в отель, ждать нет никакого смысла. Поступали так потому, что Надежда Васильевна с некоторых пор панически боялась восторженной толпы. Накануне войны четырнадцатого года она давала концерт на Сокольничем кругу, потом за-

---

¹ Знаменитые рестораны в Петербурге.

мешкалась в уборной, а как только показалась в дверях, к ней ринулись какие-то восторженные девицы и вырвали из рук букет, врученный на концерте. Тотчас нахлынула толпа – и Плевицкую закружило, словно в водовороте. К ней тянулись чьи-то руки, дергали за мантию, приветственный рев оглушал, на нее бессмысленно тарасились восхищенные глаза, словно людям явилось чудовище невиданное. Кто-то истерически взвизгивал:

– Господи! Да ведь тут вторая Ходынка! Успокойтесь!

Надежда Васильевна едва не лишилась сознания, услышав это. У всех на памяти была страшная трагедия, случившаяся во время коронации Николая II на Ходынском поле. Сколько народу было раздавлено опьяненной восторгом толпой – счету нет! Вот и сейчас – не остановишь людей. Конец приходит...

Кто-то подхватил Плевицкую под руку и с силой запихнул в автомобиль. Знакомый запах бензина и дорогой кожи навеял спокойствие, помог прийти в себя. Те же люди, которые защитили ее от толпы, выдернули из гущи народа и ее горничную, Машу. В самом нелепом виде, оправляя на голове жалкий блин – бывшую шляпку и прижимая к себе блин другой – все, что осталось от шляпной картонки певицы, красная и потная, Маша слабо бормотала, задыхаясь:

– Дураки! Сумасшедшие!

В таком же виде кое-как пробились к автомобилю и сопровождавшие Надежду Васильевну журналисты. Авто с

трудом тронулось. Восторга на лицах окружающих не убавилось, и Плевицкая волей-неволей начала раскланиваться и слабо помахивать рукой: она не могла обидеть свою публику, хотя эта публика перепугала ее до полусмерти.

Горничная тарасилась по сторонам и бормотала:

– Ужаси, какой мы имеем успех! Ужаси!

О да! Но после такого «успеха» Надежда Васильевна старалась уходить с концертов как можно незаметней, испытывая при виде толпы смертный страх. И этот страх оказался пророческим: ведь именно толпа народная смела с лица земли ту Россию, в которой жила и которую любила Надежда Васильевна!

Слава богу, сейчас на улице ни души. Два шага до автомобиля. И вдруг...

– Сестрица! Милая!

Мужской голос. Надежда Васильевна ошеломленно уставилась на торопливо приближающегося человека. Мелькнула безумная мысль, что из Совдепии вырвался брат Николай – ну кто еще может называть ее сестрицей?! Нет, лицо незнакомое. Она растерянно приостановилась.

Муж выступил вперед, загораживая ее:

– Кто вы? Что вам угодно?

Незнакомец на него даже не глянул: прижимал к груди шляпу, а умиленные глаза его были устремлены на Плевицкую:

– Сестрица! Соловушка! Неужто не помните меня? Ковно,

лазарет, офицерская палата... Я не мог спать. Вы пели...

– Господи, – тихо охнула Надежда Васильевна.

То время было связано с такой болью, что постепенно она загнала воспоминания в самые глубины памяти. И все-таки они ожили мгновенно: 73-я второочередная пехотная дивизия, при которой состояла Надежда Плевицкая, пришла в Ковно, и она поступила сиделкой в Николаевскую общину. Ей досталась солдатская палата на восемь коек. Дежурство с восьми утра до восьми вечера. Медицинских знаний не было никаких, зато милосердия хватало, это и делало новую сиделку незаменимой. И еще она пела те самые песни, от которых слезы появлялись даже на глазах царя. Но для императора Николая эти песни были диковинной игрушкой, а солдаты слышали их с детства и теперь удивлялись:

– Ну откуда ты, сестрица, наши песни знаешь? Неужто сама деревенская?

Стоило кивнуть, как со всех сторон сыпались наивные, зато искренние предложения руки, сердца и верной любви: у меня-де богатый дом, двенадцать десятин земли, а у меня еще и пасека, а у меня сад и новая изба... И только те, кто успел проведать, почему, из-за кого звонкоголосая сестричка в сером ситцевом платье и белой косынке оказалась здесь, в Ковно, те помалкивали или усмехались над ретивыми женихами. На втором этаже размещалось офицерское отделение, и там-то очень хорошо знали, кто такая Надежда Плевицкая: многие даже бывали на ее концертах еще до войны, а

иным это не удалось, зато теперь выпало счастье (совершенно по пословице: не было бы счастья, да несчастье – война – помогло!) услышать «курского соловья», как называл знаменитую певицу еще более знаменитый Федор Иванович Шаляпин.

Она часто давала концерты в госпитале, но иногда песни требовались как лекарство. В тот день к ней вниз, в солдатскую палату, пришла сестра из офицерского отделения и попросила помочь успокоить тяжелораненого, которому даже морфий не помогает. Надежда села у его постели и принялась тихонько мурлыкать колыбельные: те самые, которые когда-то пела своему последышу мамочка, Акулина Фроловна Винникова, крестьянка из деревни Винниково Курской губернии:

Баю-баю, дитятко!
Поспи, дитятко, поспи,
У Бога счастья попроси.
Бог счастья дает,
Тебе в люлечку кладет.

Наконец раненый заснул, а сестра еще долго сидела у его постели, пока не разжались пальцы, сжимавшие ее руку. Но потом она еще часто пела, утишая боли этому офицеру, раненному в позвоночник и считавшемуся безнадежным.

И вот сейчас он стоит перед ней! Возле артистического подъезда зала имени Бетховена в Берлине!

– Это вы! Что вы? Как вы? Давно *оттуда*?

Оттуда, то есть из России, он был давно, уже три года как. Бежать удалось не одному, а с семьей. Да-да, он не только выздоровел, но и успел жениться, дети родились. Здесь, на чужой земле, устроился неплохо, есть на что жить, учить детей...

– Вот видите, сестрица, по вашему совету у Бога счастья попросил. А вы? У вас как? Слушал, как поете, – слезами обливался. Все хорошо? Как Василий Алексеевич? Где он?

И огляделся, словно не замечая невысокого мужчины, стоящего рядом со статной «сестрицей».

– Василий Алексеевич погиб еще в пятнадцатом. Там же, близ Ковно, – сдержанно ответила Надежда Васильевна. – Вот супруг мой, генерал Скоблин, Николай Владимирович. Мы живем в Париже, в Озуар-ля-Феррьер². Если окажетесь во Франции – милости прошу в гости.

И она села в автомобиль, а человек, возникший из ее далекого прошлого, сконфуженно замер на тротуаре, все также прижимая к груди шляпу.

Надежда Васильевна искоса поглядывала на профиль насупленного, молчаливого мужа. Николай чрезмерно близко к сердцу принимает все напоминания о былом. Будь его воля, он заставил бы жену сменить фамилию, чтобы стереть даже воспоминание о ее первом муже, однако вот беда: именно под этой фамилией она стала всероссийской, а теперь и

---

² Пригород Парижа.

мировой знаменитостью. Надежду Плевицкую знают все – Надежду Скоблину не будет знать никто. А ведь ее популярность дает им очень неплохие средства к существованию. Не только она, конечно, дает эти самые средства, но... Словом, о перемене фамилии речи нет, а все же Скоблин ревнует к былому. Об Эдмунде Плевицком она и думать забыла, однако воспоминания о Василии все еще бьют Надежду в самое сердце, ибо кирасирский поручик Шангин был великой любовью ее жизни.

Они познакомились в 1913 году, во дворце великой княгини Ольги Александровны, на Сергиевской. У сестры императора собрались ее племянницы и блестящая гвардейская молодежь, кирасиры, конногвардейцы. Двадцатидевятилетняя певица Надежда Плевицкая находилась в зените славы – любимица государя, любимица высшего света... Сама-то она знала, что император искренне восторгается ее пением и песнями, понимает их всей душой, за это понимание и обожала его ответно сверх всякой меры, почти обожествляла, ну а свет увлечен ею как модной игрушкой, неким предметом роскоши. До сих пор и смешило, и коробило одно воспоминание: в Ялте (Надежду в то время еще мало знали в высшем обществе), на концерте в доме барона Фредерикса, министра двора, изысканные петербургские дамы, понаехавшие на модный курорт (Крым в то время был необычайно популярен, а Кавказ считался гиблым местом), не столько

слушали, сколько рассматривали в лорнетки диковинный костюм Надежды а-ля рюсс и ее саму, словно вещь. Потом, после выступления, одна из дам, с очень русской фамилией и очень плохим русским языком, принялась расспрашивать:

– Что такое «куделька»? Что такое «батоба»?

Надежда объяснила. Дама вскинула лорнетку, обозрела певицу с головы до ног, проронила:

– Charmant! Вы очень милы!

И отплыла прочь.

Надежда, несколько даже испуганная, ибо привыкла к простым манерам московской знати, а не к высокомерным выходкам петербуржцев, спросила у стоящего рядом с ней генерала:

– Разве эта дама не русская?

– Она русская, – ответил генерал, почтительно шелкнув каблуками, словно разговаривал с венценосной особой. – Да, русская, но она дура!

После его объяснения Надежда стала более снисходительно относиться к тому, что в высшем свете ее воспринимают как модную забаву и дивятся расположению государя к высокой голосистой «пейзанке». Главное – что Он ценил ее, публика обожала, а в газетах появлялись самые трогательные отклики. Вот что писал, например, «Граммофон»:

«Сейчас в большую моду входит Н. Плевицкая, гастролировавшая в «Буфф» и получившая имя певицы народной удали и народного горя. В «Буфф» среди сверкания

люстр пела гостям русские и цыганские песни... Какой прекрасный, гибкий, какой выразительный голос! Ее слушали, восторгались... И вдруг запела как-то старую-старую, забытую народную песню про похороны крестьянки. Все стихли, обернулись. В чем дело? Какая дерзость! Люди пришли для забавы, смеха, а слышат: «Тихо тащится лошадка, по пути бредет, гроб, рогожею покрытый, на санях везет...» Все застыли. Что-то жуткое рождалось в ее исполнении. Сжимало сердце. Наивно и жутко. Наивно, как жизнь. И жутко, как смерть...»

Надежда была в восторге от этой странной статьи. Казалось, никто так хорошо не понял ее песен, как автор «Грамофона»! Но сейчас, на концерте у великой княжны Ольги Александровны, главным для нее было, чтобы ее песни верно понял, понял и полюбил вон тот поручик кирасирского ее величества полка, который стоял у дальнего ряда кресел, исподтишка поглядывая на знаменитую певицу, а потом вдруг отчего-то заволновался, покраснел и потянул воротник мундира, словно тот душил его.

Странно: любимое концертное платье у Надежды было с декольте, не бог весть каким глубоким, а все же с открытой шеей, и ожерелья она нынче не надела. Отчего же возникло внезапное ощущение, что воздуху не хватает, а сердце останавливается при взгляде в эти незнакомые светлые глаза?

Они сперва стали любовниками, а потом начали понемно-

гу узнавать друг друга. В эту пору полной неопределенности и любовного угара Надежда не то со смехом, не то с ужасом вспоминала давнее наставление матушки, полученное еще тогда, когда Надежда Плевицкая звалась еще Дежкой Винниковой, жила в родимой деревне и пела только в церковном хоре да на крестьянских свадьбах:

– Ты молода еще, Дежка, несмышлена. Пуще всего на свете бойся ребят. Они изверги лукавые, и обмануть девушку, обвести – это у них, разбойников, за милую душу. А как посмеется над девушкой, так и бросит, а она тут и гибнет. Бойся, не попадайся им в лапы, а то и глазки твои потускнеют, и голосок пропадет!

Вот этого – что глазки потускнеют и голосок пропадет – Дежка боялась хуже смерти, а потому блюла себя так, что приводила в отчаяние своего первого мужа, Эдмунда Плевицкого, артиста Варшавского балетного театра. То есть тогда еще не мужа, а просто кавалера. И Дежка думала, что кабы красавец Эдмунд мог заполучить Надю Винникову запросто, как других молоденьких артисток, то, очень может стать, никогда и не сделал бы ей предложения. Ведь, несмотря на свою исключительную красоту, балетную утонченность и польскую изысканность, он был, по сути своей, из тех же самых «ребят», которым лишь бы «обмануть девушку, обвести», а там хоть трава не расти. Но она была така-ая недоtroга!

И до такой же степени она его возбуждала! Иногда Эдмун-

ду даже стыдно становилось на сцене, когда он поглядывал на роскошную Надину фигуру где-то в последнем ряду щупленьких, малокровных балеринок из кордебалета (в ту давнюю пору она, если не удавалось достать ангажемента певицы, изображала из себя танцовщицу, что с ее крестьянской статью и не слишком-то большой поворотливостью удавалось нелегко!) и ощущал прилив сильнейшего плотского желания. А костюмы у балетных танцовщиков – они ведь всем известно, какие, ничего в них не скроешь. И вот, вообразите, принц неземной красоты делает на сцене изящный реверанс перед столь же неземной, девственной Авророй или Одеттой, а в это время у него, у принца... О, пардон! А виновата была Надежда!

И даже потом, уже получив от Эдмунда предложение руки и сердца, она все никак не шла под венец (а в постель и подавно!), пока от матушки не пришло из деревни письмом благословение. Театр был тогда на гастролях, и, узнав о благословении, заморенный затянувшимся воздержанием Эдмунд улыбнулся не без ехидства:

– Ну вот и радость нам! Через неделю в Киев возвращаемся. Вы здесь венчаться желаете, или до Киева ждать будем?

Но больше Надежда его томить не стала:

– Да уж довольно мы ждали!

Эдмунд, наверное, был озадачен сдержанностью невесты, потому что отлично знал, какая репутация у кафешантан-ных артисток (а Надежда пришла в труппу из хора, которо-

му приходилось часто выступать в кафешантанах). То и дело после концертов девицы получали приглашения спеть в отдельном кабинете для богатого посетителя. Многие так и хватались за «счастье». Многие – но не Надежда. То есть однажды она по дурости согласилась спеть... Но ей, дурехе наивной, и в голову не могло взбрести, что старик с бородой до пояса, называвший ее дочкой, захочет от нее не только пения. То есть даже вовсе не пения! Не дав ей и звука издать, он полез к ней и успел разорвать лиф платья, прежде чем Дежка очухалась и поняла, что вообще происходит. Но, узрев свою голую грудь, она подняла такой крик, что старик счел за благо отпустить малохольную певунью. С тех пор она стала настолько строгой, что не только улыбнуться боялась незнакомым мужчинам, но и цветов не брала после выступлений, хоть цветы эти, наверное, от сердца подносились, а не с какими-то пошлыми намерениями.

И точно такой же строгой она оставалась в замужестве. Эдмунд мог быть совершенно спокоен: Надя ему не изменит. И даже спустя несколько лет, когда она взлетела на пик славы и зачастила по стране с гастрольями (супружеская жизнь Плевицких в основном проходила вдали друг от друга), а потом, к печали своей, поняла, что разлюбила Эдмунда и что он разлюбил ее, Надежда и тогда вела себя, как подобает замужней женщине: без глупостей, без вольностей, без намека на адюльтер. Ну а как же! Иначе глазки потускнеют, и голосок пропадет!

Но при виде Василия Шангина она забыла обо всем на свете. Может быть, оттого, что понимала: ну не может приключиться беды и ей самой, и глазкам ее, и голоску, и ничего, кроме счастья, не сделается от такой великой, самозабвенной любви!

По счастью, любовь была взаимной.

С точки зрения узаконений высшего света, это был кошмарный мезальянс. Шангин – аристократ, выходец из почтенного, родовитого семейства (в ее величества кирасирский полк иных не зачисляли!), Надежда – крестьянка. Талантливая, самобытная, ослепительная, но... сугубо от сохи. Впрочем, Василий Шангин всегда был человеком решительным. С той же решительностью, с какой он в 1904 году оставил университет и волонтером пошел на японский фронт, где и заслужил офицерское звание, Георгиевский крест и право учиться в Николаевской академии Генштаба, он заявил о своей любви и о намерении жениться на Надежде Плевицкой, как только будет расторгнут ее брак с Эдмундом. А пока они жили в сладостном грехе, и, зная о том, что сам государь не осуждает скандальный роман своей любимой певицы, их не смел осуждать никто другой.

Это было время бурного, ослепительного счастья. Многие потом вспоминали период перед началом Первой мировой войны как нечто особенное, феерическое, восхитительное. Ну да, конечно: на фоне сплошь черного дыма, которым вскоре оказалась затянута жизнь и который так и не разве-

ялся... А Надежде, кроме любви, еще и не продохнуть было от приглашений: то петь в Ливадии, в Крыму, в царском дворце (после того концерта ей была подарена роскошная бриллиантовая брошь с двуглавым орлом), то в школе рукоделия императрицы в Москве, то в Петербурге, то проехаться с гастрольями по Сибири, то путешествовать с Василием в Швейцарию...

В Сибири вдруг разыгрался сильнейший ревматизм у ее любимого аккомпаниатора, Зарембы. Разыгрался до такой степени, что он ходить не мог: приходилось на руках выносить его на сцену и подсаживать к роялю. Играл он, впрочем, по-прежнему виртуозно. Играл, забывая о боли, а когда мелодия кончалась, принимался злобно ворчать:

– Так, так и разэтак тебе и следует, подлецу, мерзавцу!

– Да за что ж вы себя честите?! – спросила изумленная Надежда, услышав сие впервые.

– За грехи молодости. Больно веселился мальчик, – скрипя зубами от боли, отвечал Заремба.

Ах, как потом ей вспомнятся эти слова! Ведь все они «больно веселились», все грешили самозабвенно, не чуя, как страшно придется заплатить за беззаботное счастье, за последние дни *старой* жизни!

Судьба начала выставлять счета 26 июля 1914 года, когда в отель на Невшатедском озере пришла весть об убийстве в Сараеве австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. Надежда не могла понять – какое отношение к ним с Василием

имеет это событие? И почему надо немедленно срываться с места и возвращаться в Россию?

Они вернулись, и полк Василия был немедленно отправлен к месту боевых действий. Вместе с ним уехала и Надежда, потому что жить без него она не могла – и это вовсе не фигура речи.

Она могла бы просто пойти работать в столичный лазарет, как сделали многие светские дамы и даже царица с великими княжнами (например, Ольга стала санитаркой на самой грязной работе, а Татьяна оказалась отличной ассистенткой при операциях). Кроме того, Александра Федоровна дала клятву, что, пока идет война, не сошьет ни себе, ни великим княжнам ни одного платья. Эта жертва, понятная только женщинам, не была поддержана светскими дамами. Как ни странно, отказаться от новых нарядов оказалось труднее, чем каждый день работать в лазаретах и госпиталях.

Их было довольно в каждом тыловом и прифронтовом городе близ железных дорог, однако Плевицкая воспользовалась всеми своими высокими связями, чтобы быть зачисленной в дивизионный лазарет. И получила отказ. В то время в дивизионных лазаретах сестрам быть запрещалось, позволялось только милосердным братьям и санитарам. Ну что же, подумала Надежда, санитаром так санитаром! И она, с помощью начальника штаба 73-й пехотной дивизии, выступила в поход при лазарете в качестве санитаря.

В походе она одета была в мужскую фельдшерскую фор-

му или в шинельку, волосы прятала в папаху или под большую фуражку. Когда в разгар боя Надежда появилась в лазаретной палатке, полковой священник, седой иеромонах, который пытался помогать врачам и неумело резал марлю для бинтов, глянул непонимающе:

– А ты откуда тут? Не разберешь, не то ты солдат, не то ты сестра. Но хорошо, что ты пришла. Ты быстрее меня нарежешь марлю.

И стал спокойно рассказывать, откуда он родом, из какой обители и как трудно было ему привыкать к скоромному.

Надежда смотрела то на него, то вокруг. Было столько раненых, что врачи выбивались из сил, руки их были в крови: нет времени мыть. А он... о чем он говорит среди крови и стонов? Да не придурковатый ли? Но, встретив взгляд иеромонаха, она поняла, что лучисто-синие глаза его таят мудрость.

Руки Надежды уже не дрожали и уверенно резали марлю: от монаха ей передалось спокойствие. Позже, через несколько месяцев, она узнает, что полк прорывался из окружения, и этот иеромонах, в полном облачении, с крестом на груди, шел впереди. Его ранили пулеметной очередью в обе ноги. Тогда он приказал вести себя под руки. Он пал смертью храбрых...

В лазаретной палатке не было места для ночлега, и Надежда ушла в избу без окон, где помещался штаб. Горячий чай в железной кружке казался райским напитком, а брошенная на

пол охапка соломы – роскошным пуховиком. На этом «пуховике» она уснула мертвым сном и даже не слышала, что поздней ночью в штаб приезжал тот, ради кого она, собственно, и оказалась здесь. Василий не потревожил сна Надежды, и только после гибели Шангина она прочла в его дневнике запись, помеченную тем числом:

«Чуть не заплакал над спящим бедным моим Дю – свернувшийся комочек на соломе, среди чужих людей».

Но нет, война не только разводила их, но и сводила. Каким счастьем были короткие, безумно пылкие встречи где-нибудь в заброшенной избе, в сарае, на соломе, на глинобитном полу или на «приличной постели» в каком-нибудь разрушенном доме, где только и оставалось мебели, что эта выделенная кровать... Надежда всегда маниакально заботилась о своей внешности – ведь актриса же! К тому же она исполнительница русских народных песен, а русская красавица – женщина в теле, и Надежда страшно боялась похудеть. А уж как заботилась она о своем нежном бело-розовом лице, о матово-черных, тяжелых, роскошных волосах! Теперь же ничто из этих суетных хлопот не имело значения для Надежды, потому что не имело значения для Василия. Она похудела так, что фельдшерская форма болталась, будто на вешалке. Лицо обветрилось, а уж волосы-то... Однажды Надежда обнаружила в косе вшей. Было бы удивительно, если бы их там не оказалось: Надежда и вспомнить не могла, когда мыла голову. Не глядя (а куда глядеть, если нет зеркала?), она об-

резала косу до плеч, вшей вытравила керосином и, как могла, вычесала частым гребнем. Так делали в деревне, когда случалась с каким-то грязнулей такая беда, как вши. В их, Винниковых, доме это стало бы позором! А теперь она не чувствовала стыда и не тревожилась, что Василий зарывается лицом в ее пахнущие керосином волосы. Весь огромный мир ее довоенных желаний, одновременно честолюбивых и трогательных (как бы не отвернулась удача, как бы не разлюбила публика, как бы снискать милость не только государя, но и государыни, добиться развода у Эдмунда Плевницкого и не огорчить при этом любящую его собственную матушку, Акулину Фроловну, как бы сшить новый наряд для концерта, выстроить дом в родной деревне, на опушке Мороскина леса, самого красивого места в мире...), теперь свелся к двум: увидеться с Василием наедине и чтобы его не убили! О своей жизни она не молила Бога, только о его.

Молитвы мешались в ее душе с самыми древними, самыми что ни есть женскими, а может, даже бабьими суевериями. Мрачные предчувствия мучили ее, какие-то жуткие приметы нагромождались одна на другую. Был неподалеку от штаба дивизии какой-то заброшенный дом – низкий и мрачный. Стоило Надежде его завидеть, как сердце ее начинало ныть от тоски и неведомого страха. Но минует дом – и все проходит.

Грянуло немецкое наступление. Штаб и лазарет отошли вместе с войсками. После нескольких дней суматохи и бес-

прерывной кровавой работы Надежда добралась наконец до штаба дивизии – и узнала о своем страшном горе. Спасая товарищей, прикрывая со своим небольшим отрядом их отступление, Василий Шангин погиб... у того самого дома, который Надежда не могла видеть без приступов тяжелой тоски. А у нее даже не было времени вернуться к тому месту, где пролилась кровь ее любимого. Немцы настигали, надо было бежать. Один из штабных офицеров предложил Надежде место в своих санях, укрыл буркою.

Где-то – Надежда не помнила где – во время этого бегства она обронила или забыла свой чемоданчик с драгоценностями, среди которых была и брошь с бриллиантовым орлом, пожалованная ей государем. Странное совпадение, подумала она: навеки потерял Василий, навеки потерял памятный знак от императора... Смысл этого совпадения ей станет ясен в феврале семнадцатого года.

Надежда находилась в таком потрясении, что с трудом воспринимала приметы мира. Если она не покончила с собой, то лишь потому, что самоубийство для нее, православной верующей, было выходом невыносимым, непредставимым. И страшным прежде всего тем, что начисто исключало возможность встречи с Василием на том свете. Он, герой, погибший за Родину, пойдет в рай. А его любимая Дю, грешница-самоубийца, куда? То-то и оно... Но при всех этих, безусловно здравых, рассуждениях она находилась на грани безумия, и лучший друг покойного Василия, Юрий Апрельев,

и его матушка, на глазах которых разворачивалась история любви певицы и кирасира, уговорили ее обратиться в так называемую водолечебницу доктора Абрамова. Слово «водолечебница» было выбрано для того, чтобы пощадить чувства пациентов и их родственников. На самом же деле это была психиатрическая больница, где, например, находился в то время знаменитый своими рассказами и своей неуравновешенностью писатель Леонид Андреев. Надежда отправилась туда, хотя больше всего на свете ей хотелось бы уйти в монастырь. И... даже пение бросить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.